

И. С. Р о в д о

Белорусский государственный университет

О МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ПАРОНИМАХ

Рассматривая вопрос о межъязыковых паронимах, как и о любых других лексических категориях межъязыкового плана, необходимо учитывать особенности, свойственные паронимам внутриязыковым, ибо слова, определяемые одним и тем же термином в пределах одного языка и в пределах нескольких языков, должны быть качественно сходными. Такому сходству будет присуще, безусловно, и различие, так как при контактировании двух языков выявляются пары слов с признаками обеих языковых систем, пусть даже очень близких, но всегда имеющих различия. Такой подход к определению границ межъязыковых паронимов представляет собой определенную трудность. Ведь для соотнесения лексических категорий межъязыкового плана с лексическими категориями плана внутриязыкового необходимо достаточно полное представление о последних. Явление же паронимии представлено недостаточно четко. Тем не менее термины «паронимия», «паронимы» встречаются как во внутриязыковом, так и в межъязыковом¹ плане.

Несмотря на различие взглядов по вопросу определения внутриязыковых паронимов, качественная связь данной категории лексем и межъязыковых паронимов должна быть обязательно учтена, ибо нет такого самостоятельного явления, совершенно отличного от аналогичного явления в пределах одного языка, как межъязыковая

¹ См., напр.: Шуба П. П. Міжмоўная беларуска-руская аманімія і паранімія. — В сб.: Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў. Мн., Навука і тэхніка, 1982, с. 106—131.

паронимия. Однако только одного учета соотношения качественной стороны лексических категорий внутриязыкового и межъязыкового планов еще недостаточно для формирования межъязыковых паронимов, которые могут стать таковыми, лишь вступив в системные отношения, присущие паронимам в пределах одного языка. Иначе говоря, необходимо контактирование языков.

Можно утверждать, что два языка находятся в контакте, если они используются одними и теми же людьми. Чистота речи билингвов, попеременно говорящих на «обоих языках, зависит от того, насколько четко они (билингвы) дифференцируют употребляемые языковые системы в своем сознании. Ряд проблем, стоящих перед лингвистами, психологами, педагогами, обусловлен активным функционированием совмещенного (смешанного) двуязычия, при котором элементы двух языковых систем на различных своих уровнях способны к взаимопроникновению. В данном случае речь идет об отсутствии четкой дифференциации контактирующих языков, что способствует образованию третьей смешанной системы, представляющей собой совокупность элементов обеих употребляемых систем. В такой ситуации «два языка, приходящие в соприкосновение, становятся, сохраняя собственные категории, базой для образования новых объективных, уже межъязыкового характера, категорий, возникающих из сопоставления систем и элементов этих языков: в области лексики сюда относятся категории межъязыковой ... омонимии и паронимии»².

В научной литературе, касающейся лингвистических проблем, а также теории и практики перевода, довольно часто встречается такое определение, как «ложные друзья» переводчика, являющееся образным названием слов, способных ложно отождествляться в процессе перевода или попеременного использования двух языков. Сюда относятся слова, как тождественные по форме, так и сходные, имеющие некоторые различия в своем графико-фонетическом оформлении. Те и другие объединяются своей способностью быть источником интерференции — неверного употребления одного из пары сходных по форме, но разных по значению слов. Их можно разделить на межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы. К первым отнесем слова двух находящихся в контакте языков,

² Акуленко В. В. Две заметки об интернациональной лексике и терминологии. — Учен. зап. / Харьк. гос. ун-т. Харьков, 1962, т. 116. Труды филол. фак-та, т. 10, с. 208.

полностью совпадающие по форме (звучанию и графическому оформлению) или в основной ее части, но разные по значению, если обнаруживаемые расхождения в форме этих слов могут быть мотивированы наличием закономерных соответствий (фонетических, графических, орфографических, акцентологических, морфемно-словообразовательных), имеющих место в системных отношениях контактирующих языков. Межъязыковыми паронимами назовем слова двух находящихся в контакте языков, сходные по форме, но разные по значению, если различие в форме этих слов не может быть сведено, хотя бы для одного из различающих элементов, к закономерному соответствию, существующему в системных отношениях контактирующих языков.

Таким образом, внутриязыковую и межъязыковую паронимию объединяет сходство формы членов паронимической пары и различие в значении; в речи члены паронимической пары могут неверно употребляться один вместо другого. Так, рус. *плот* ('скрепленные в несколько рядов бревна для сплава или переправы на них по воде', бел. *плыт*) — бел. *плот* ('ограда, преимущественно деревянная', рус. *забор*) и рус. *качка* ('качание судна при волнении', бел. *гайданка*) — бел. *качка* ('водоплавающая птица', рус. *утка*) — межъязыковые омонимы. Во втором случае омонимии рус. [ч'] — бел. [ч] — закономерное фонетическое соответствие. Вследствие регулярного повторения подобных соответствий в системных отношениях двух языков и в речи их (соответствия) можно приравнять к тождествам. В паронимической же паре рус. *соучастник* ('тот, кто участвует вместе с кем-н. в совершении чего-н.', бел. *саўдзельнік*) — бел. *сучаснік* ('тот, кто живет в одно время с кем-чем-н.', рус. *современник*), кроме элементов, сводимых к закономерным соответствиям, есть и элементы, не являющиеся закономерными соответствиями. Еще некоторые случаи межъязыковой паронимии: рус. *жеребенок* ('детеныш лошади', бел. *жарабя*) — бел. *жэрабя* ('условный предмет, вынимаемый из числа одинаковых предметов для разрешения спора, установления права на что-н., порядка чего-н. и т. п.', рус. *жеребий*), рус. *попытка* ('действие, поступок с целью осуществить что-н., добиться чего-н., но без полной уверенности в успехе', бел. *спроба*) — бел. *попыт* ('требование на товары со стороны покупателя', рус. *спрос*), рус. *госпожа* ('форма вежливого обращения или упоминания', бел. *пані*) — бел. *гаспадыня* ('женщина, которая ведет хозяйство', рус. *хозяйка*), рус. *бежевый*

(‘светло-коричневый с желтоватым или сероватым оттенком’, бел. *бэжавы*) — бел. *бэзавы* (‘светло-лилового цвета’, рус. *сиреневый*), рус. *именительный* (‘падеж, отвечающий на вопрос: кто-что’, бел. *назоўны*) — бел. *іменны* (‘относящийся к склоняемым частям речи’, рус. *именной*), рус. *обдывать* (‘обдавать струей воздуха, ветра и т. п.’, бел. *абвяваць*) — бел. *абвіваць* (‘обматывать что-н. вокруг чего-н.’, рус. *обвивать*) и т. п.

Межъязыковые пары лексем могут различаться между собой принадлежностью к разным частям речи, большим или меньшим числом несовпадающих компонентов в форме каждой из пар, степенью сходства — различия в плане содержания. Паронимы могут быть таковыми или только в плане межъязыковом, или (при условии отнесения к паронимам не только однокоренных слов) могут осложняться и паронимами внутриязыковыми, как в одном из контактирующих языков, так и в обоих языках одновременно.

Разграничение межъязыковых явлений омонимии и паронимии обусловлено отношениями элементов языка как системы (смешанной системы). Что касается носителей двуязычия, то данное разграничение (в особенности по отношению к словам с различиями, сводимыми и несводимыми к закономерным соответствиям) для них не является существенным. Как те, так и другие слова могут быть восприняты билингвами в качестве слов, полностью соответствующих друг другу в двух языках. В этом плане для всех рассматриваемых лексем вполне достаточно образного определения «ложные друзья» переводчика. Но не следует забывать и о том, что указанная дифференциация проводится не в речи билингвов, а в языковой системе. «Из того, что сами носители языка не замечают разницы между какими-то явлениями, никоим образом не следует, что между этими явлениями в самом языке как системе нет принципиальной разницы»³.

Исследование межъязыковых паронимов обусловлено в первую очередь тем, что все они являются потенциальным источником интерференции, осложняющей процесс общения на двух языках нежелательным взаимопроникновением лексических элементов. Знание языка/языков предполагает умение говорить и понимать, т. е. правильно осознавать сказанное. Наличие значительного количества межъязыковых паронимов мешает приобретению этих навыков.

³ Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. — М.: Просвещение, 1977, с. 89.

Для определения места межъязыковых паронимов в кругу источников интерференции и выявления природы интерференции межъязыковых паронимов выделим основные группы слов двух лексических систем, элементы которых способны проникать в чуждую им языковую среду:

1. Слова, совпадающие по форме (рус. *плот* — бел. *плот*).
2. Слова, различие в форме которых может быть сведено к закономерным соответствиям, существующим в системных отношениях контактирующих языков (рус. *качка* — бел. *качка*).
3. Слова, различие в форме которых не может быть, хотя бы для одного из различающих элементов, сведено к закономерному соответствию, существующему в системных отношениях контактирующих языков (рус. *соучастник* — бел. *сучаснік*).

Все три случая объединяет различие в значении слов и сходство (вплоть до тождества) в плане выражения.

4. Слова, совершенно различные по форме, но совпадающие по значению (рус. *баиня* — бел. *вежа*).

Составляющие первой группы противопоставлены составляющим второй, третьей и четвертой групп по степени сходства — различия в плане выражения. Противопоставлены межъязыковые пары слов и по различию в плане содержания (первая — третья группы в сравнении с четвертой группой). Объединяются элементы всех этих групп по способности быть источником интерференции.

Вряд ли можно однотипно квалифицировать интерференцию для рассмотренных случаев, в отношении каждого из которых она не тождественна по своей природе. Следует обратить внимание на то, что интерференция на уровне лексики может происходить тремя путями.

Первый — когда слово одного языка вызывает у билингва ассоциации, связанные со значением такого же или сходного по форме, но отличного по содержанию слова в контактирующем языке, т. е. когда, к примеру, при общении на русском языке слова *плот*, *качка*, *соучастник* отождествляются с бел. *плот*, *качка*, *сучаснік* значениями последних. В подобной ситуации каждая из сходных/тождественных лишь по форме лексических единиц употребляется в своей языковой системе. Такую интерференцию для лексем трех первых групп можно рассматривать как однотипную. Расхождения в форме межъязыковых пар слов этих групп

затрагивают в первую очередь системные отношения лексики русского и белорусского языков. Что же касается носителей двуязычия, то они вряд ли обращают внимание на эти различия. Именно поэтому тот или иной билингв идентифицирует слова рус. *плот, качка, соучастник* с бел. *плот, качка, сучаснік*, хорошо зная, что расхождения подобного типа могут быть в форме многих слов с тождеством в плане содержания. Для двуязычных носителей в аналогичных ситуациях степень сходства не играет существенной роли вплоть до той границы, когда мы перестаем говорить, что слова сходны по форме. При этом необходимо, конечно, учитывать и уровень знания билингвами двух языков.

Второй путь протекания интерференции — когда билингв переносит слово со свойственным ему значением в контактирующий язык (с учетом закономерных формальных соответствий), который содержит эти лексемы (для первой и второй групп слов), но с иным значением. Употребление русских (белорусских) слов третьей и четвертой групп в белорусском (русском) языке будет рассматриваться, как привнесение чуждого лексического элемента. Так, билингв при общении на русском языке может употребить белорусские слова *плот, качка, сучаснік, вежа* и без влияния рус. *плот, качка, соучастник, баиня* (для слова *вежа* отсутствие такого влияния является безусловным). Подобное отождествление является результатом уверенности двуязычного носителя в том, что употребляемое слово существует в системах обоих языков. Однако если первым двум словам в русском языке есть формально соответствующие слова, то два вторых рассматриваются как чуждые в своем оформлении по отношению к лексической системе используемого языка.

Безотносительно к системам языков для всех рассмотренных групп слов такая интерференция протекает одинаково (перенос слова из одного языка в другой). По отношению же к системам этих языков интерференция межъязыковых пар слов первой и второй групп противопоставляется интерференции межъязыковых пар слов третьей и четвертой групп.

И наконец, слово одного языка может употребляться в значении сходного ему по форме слова другого языка. К примеру, употребление белорусского слова *сучаснік* в значении рус. *соучастник* при общении на русском языке (*сучаснік тех событий* вместо *соучастник*). Источником такого рода интерференции могут

быть лишь слова третьей группы, т. е. межъязыковые паронимы, ибо если билингв и скажет, например, *морская ка[ч]ка вызвала у него головокружение*, то данный факт будет рассматриваться как фонетическая интерференция.

Таким образом, интерференция межъязыковых паронимов может быть представлена в одном случае как однотипная с интерференцией межъязыковых омонимов, в другом — как однотипная с интерференцией слов, различных по форме, но одинаковых по значению, в третьем — как специфическая только для них самих. Наконец, безотносительно к системам анализируемых языков она манифестируется как однотипная для всех четырех групп межъязыковых пар слов.

Наличие значительного количества межъязыковых паронимов в системных отношениях лексики русского и белорусского языков еще не может быть показателем того, что все они (паронимы) являются источником ложных отождествлений, ибо те или иные отношения элементов двух языков в системе лишь предполагают определенные отношения этих элементов в речи. Говоря в целом о межъязыковых паронимах, можно только утверждать, что данная категория лексем вызывает интерференцию в речи билингвов, так как это утверждение основано на обнаружении ряда случаев неверного использования билингвами рассматриваемых слов. К примеру, бел. *векавыя сосны* ассоциировалось с рус. *вечные сосны*, бел. *краіна* с рус. *край*, бел. *благія намеры* с рус. *плохие номера*, рус. *окружная избирательная комиссия* с бел. *акружная збіральная камісія* и т. п. Что же касается частных случаев межъязыковой паронимии, то некоторые из них можно квалифицировать только как случаи потенциальных паронимов, которые в основном и существуют лишь в качестве таковых. С другой стороны, выявляется значительное количество реальных межъязыковых паронимов.

Существование как реальных, так и потенциальных межъязыковых паронимов обусловлено рядом интра- и экстралингвистических факторов, воздействующих, как правило, одновременно на стимулирование или нейтрализацию интерференции. В пределах лексических систем русского и белорусского языков обнаруживаются паронимические пары, различающиеся между собой степенью сходства — различия в планах выражения и содержания.

Как для всех типов слов, способных ложно отождествляться, так и для слов в пределах межъязыковых паронимов степень материального сходства пар лексем в целом не является фактором, способствующим возникновению или «сдерживанию» интерференции. Ведь в русском языке есть много слов, соответствующих словам белорусского языка, которые имеют в форме такие же или почти такие же различительные элементы, как и в парах межъязыковых паронимов. Поэтому билингв и отождествляет бел. *з'явіцца* — рус. *явиться* наряду с бел. *зняволіць* ('лишать свободы') — рус. *неволи́ть* ('принуждать, заставлять делать что-н.', бел. *прымушаць*). — *Зняволіць злачынцаў* — *Неволи́ть преступников*⁴; бел. *вёсці* — рус. *вести́* наряду с бел. *спяшацца* ('стараться сделать что-н. как можно скорее', рус. *торопиться*) — рус. *спешиться* ('слезть с лошади', бел. *спешыцца*). — *Думкі конніка быль сканцэнтраваны на адным: хутчэй даставіць пакет. Відаць было, як ён спяшаўся* — ...*Видно было, как он спешился*; рус. *орленок* — бел. *арляня* наряду с рус. *студень* ('кушанье из сгустившегося от охлаждения мясного или рыбного навара с кусочками мяса или рыбы', бел. *студзіна*) — бел. *студня* ('узкая и глубокая яма, вырытая до водоносных слоев и укрепленная срубом, служащая для добыwania воды', рус. *колодец*). — *Увидев студень, он, как обычно, сморщился* — *Убачыўшы студню, ён, як звычайна, зморшчыўся* и т. п. Уровень знания двух языков имеет при этом, конечно, важное значение.

Для билингвов с рецептивным и репродуктивным владением двумя языками неверное использование межъязыковых паронимов будет более характерно, чем для билингвов с продуктивным знанием языков. Ведь правильное употребление любых лексических единиц в процессе попеременного использования нескольких языковых систем требует усвоения как формы, так и значения этих единиц. Существование же межъязыковых омонимов и паронимов затрудняет приобретение этих навыков, ибо у многих билингвов отсутствует дифференцированный подход к таким лексемам, который в свою очередь может сформироваться лишь в результате семантизации ложно соответствующих слов. Продуктивное усвоение двух языков должно предполагать наличие у билингва подобных знаний. Они просто необходимы в условиях совмещенного двуязычия.

⁴ В качестве примеров даются переводы билингвов (студентов и школьников).

Нередкая идентификация ложно эквивалентных лексических единиц в двух языках обуславливается и близостью, родством систем этих языков. Близкородственное двуязычие «представляет особый интерес, так как соблазн отождествления своего и чужого там ... «лежит на поверхности»⁵. В данных условиях сходство экспонентов межъязыковых паронимов как раз и является той поверхностью, которая способствует отождествлению ложно эквивалентных единиц. При этом, как отмечалось, степень такого сходства не оказывает значительного влияния на возникновение интерференции, особенно по отношению к билингам с рецептивным и репродуктивным знанием языков.

Степень сходства — различия значений межъязыковых паронимов (в отличие от сходств — различий в форме слов) может оказывать существенное стимулирующее или нейтрализующее воздействие на интерференцию. Значение слов — членов межъязыковых паронимов во многом определяет синтагматические связи этих слов, способность выступать в одних и тех же или различных контекстах, их предметно-логическую отнесенность. Межъязыковые паронимы, функционирующие в одних и тех же или сходных контекстах, обладающие способностью вступать в одинаковые синтагматические связи с другими словами, имеющие много общего в предметно-логической отнесенности, в первую очередь будут ложно отождествляться билингвами. Данные факторы, безусловно, стимулируют интерференцию. Так, межъязыковые паронимы рус. *парной* ('о молоке: свежий, еще теплый; в сочетании *парное молоко*', бел. *сырадой*) — бел. *параны* ('о молоке: кипяченый') более «опасны» для билингвов, чем рус. *негодяй* ('подлый, низкий человек', бел. *нягоднік*) — бел. *нягода* ('плохая погода', рус. *ненастье*) или рус. *крыса* ('вредный грызун из группы мышиных', бел. *пацук*) — бел. *крысо* ('нижняя часть раскрывающейся спереди одежды', рус. *пола*). Члены первой межъязыковой лексической пары имеют одинаковые синтагматические связи с другими словами, могут выступать в одних и тех же контекстах. К тому же они близки и по предметно-логической отнесенности.

⁵ Реформатский А. А. О сопоставительном методе. — Русский язык в национальной школе, 1962, № 5, с. 25.

Каждый из членов паронимической пары имеет истинное лексико-семантическое соответствие в другом языке. При этом немаловажным является то, насколько сходны или различны в плане выражения трансформы межъязыковых паронимов с самими паронимами. Так, русское слово *камин* ('комнатная печь с широкой открытой топкой') соответствует слову *камін* в белорусском языке, в котором есть лексема, сходная по форме с рассмотренной *комін* ('длинный полый предмет для отвода дыма из печи', рус. *труба*). В данном случае у билингва, хорошо владеющего русским языком и слабо — белорусским, слово *комін* вполне может вызвать ассоциации, обусловленные словом *камин*, ибо о существовании в белорусском языке лексемы *камін* он может и не знать. Что же касается двуязычного носителя, в основном использующего и хорошо знающего белорусский язык и хуже — русский, то для него вероятность интерференции данных межъязыковых паронимов будет меньшей, так как русское слово *камин* у такого билингва скорее всего вызовет ассоциации, связанные со словом родного языка — *камін*, а не *комін*. Последнее может, конечно, функционировать в белорусской речи вместо *камін*. Однако данный факт еще не является свидетельством отрицательного влияния именно русского слова *камин*. Ведь такая же лексема есть и в белорусском языке, и она также может оказать отрицательное воздействие на речь билингва. В данном случае межъязыковое или внутриязыковое ложное отождествление лексем будет обусловлено уровнем знания билингвом двух языков.

В составе своих парадигм члены паронимических пар могут изменяться вплоть до максимального сходства экспонентов в межъязыковом плане, превращаясь при этом в межъязыковые омоформы. Так, рус. *ложка* ('предмет, приспособление для зачерпывания жидкой, рассыпчатой пищи', бел. *лыжка*) — бел. *ложак* ('мебель для спанья — длинная рама с ножками и двумя спинками, на которую кладут матрас и постельные принадлежности', рус. *кровать*) — межъязыковые паронимы. Эти же слова, употребленные в форме множественного числа (рус. *ложки* — бел. *лыжкі*), — межъязыковые омоформы. Источником интерференции могут быть и те и другие, но по своей природе интерференция этих лексем способна манифестироваться как разнотипная (см. второй путь протекания интерференции).

Говоря в целом о межъязыковых паронимах как элементах лексической системы, можно описать ряд факторов, теоретически и практически стимулирующих или нейтрализующих интерференцию. Однако все эти факторы, если их не рассматривать в тесной связи с экстралингвистическими, будут относительными. Ведь один билингв, слабо владеющий каким-то из употребляемых языков, может отождествить несоответствующие друг другу слова только на основании сходства их формы, другой же (с высоким уровнем знания используемых лексических систем) верно соотносит и слова, теоретически в первую очередь способные быть источником интерференции. Более того, даже в пределах групп с хорошим, средним и слабым владением двумя языками выявятся такие билингвы, которые на одни и те же межъязыковые пары слов будут реагировать по-разному. Поэтому паронимы в пределах системных отношений лексики двух или более языков следует рассматривать как лингвистическую категорию, а эти же слова, функционирующие в речи билингвов (где интерференция, конечно, будет предполагаться), могут быть представлены как психолингвистическая категория. Такой подход возможен и к паронимам в пределах отдельно взятых языков. Данное разграничение является следствием того, что в системных отношениях русской и белорусской лексики выявляется масса слов, сходных по форме, но разных по значению; каким же конкретно из этих слов следует уделить особое внимание при использовании их в речи, без учета экстралингвистических факторов, участвующих в формировании представления билингвов о рассматриваемых лексических категориях, сказать сложно.

Так, с одной стороны, трансформация фразы *Увіць шаўковую стужку ў касу* на русский язык как *Вставить шелковую стужку в кассу* может быть рассмотрена в качестве исключительного факта, если иметь в виду лишь билингвов, продуктивно владеющих используемыми языками. С другой стороны, для билингвов со слабым знанием хотя бы одного языка (в данном случае белорусского) такая интерференция является вполне закономерной.

Известный случай отождествления белорусского предложения *Конікі трашчалі ў канюшыне* с русским *Лошади ржали в конюшне* (при переводе с белорусского языка) воспринимается анекдотически даже большинством людей, репродуктивно владеющих белорусским языком. Однако когда эта фраза (*Конікі трашчалі ў канюшыне*) была предложена для перевода аудитории, не знающей белорусского

языка, то результаты оказались следующими: 98% переводов — *Лошади ржали в конюшне*, 2 % — *Конники смеялись в конюшне*. Такая трансформация может свидетельствовать о том, что для человека, начинающего изучать второй язык или имеющего необходимость по каким-то причинам впервые использовать его, практически каждая из пары сходных по форме, но разных по значению слов способна быть источником интерференции. При этом данный факт рассматривается как вполне закономерный.

Для билингвов, знающих слабо или недостаточно хорошо один из языков, словарный состав этого языка подразделяется на лексемы, хорошо известные (во всяком случае с точки зрения таких билингвов, ибо межъязыковые омонимы и паронимы ими также зачастую ложно относятся в разряд известных) и незнакомые. Первые функционируют в речи как доминантные по отношению ко вторым — периферийным. В качестве периферийных, логически зависимых в контексте от доминантных, могут выступать и хорошо известные слова. Два рассмотренные выше варианта переводов показывают, что в первом случае слова *конікі* и *канюшына* ассоциировались соответственно со словами русского языка *лошади* (*кони*) и *конюшня*, которые и являются доминантными, определяющими трансформацию бел. *трашчаць* в рус. *ржать*. Несмотря на то, что слово *трашчаць* (*трещать*) есть и в русском и в белорусском языке, наиболее подходящим для русского микроконтекста оказалось слово *ржать*, поскольку речь идет, как считали информанты, о лошадях. Во втором случае доминантным явилось слово *конники*, которое и обусловило перевод бел. *трашчаць* как *смеяться*.

Даже неполное рассмотрение интерференции межъязыковых паронимов показывает, что явление это довольно сложное. Интра- и экстралингвистические факторы, стимулирующие и нейтрализующие интерференцию, находятся в тесной связи и взаимозависимости. Поэтому для определения наиболее вероятных источников ложных отождествлений необходимо учитывать все эти факторы в совокупности. Без такого подхода вряд ли можно обойтись при минимизации лексического материала, подлежащего усвоению билингвами в первую очередь.